

16, rue Faraday
75014 Paris

3
1
1996

Открытое письмо Владимиру Алексеевичу Солоухину

Владимир Алексеевич, я только что получила ксерокс отрывка из вашей книги "Смех через левое плечо", из главы "Плохой собор". В нем вы весьма легкомысленно пишете о моем брате, Архиепископе Иоанне Шаховском, и еще более легкомысленно упоминаете о его, а значит, и о моем "полуеврейском" происхождении. Впрочем меня это даже несколько устраивает - слухи такие доходили до нас и раньше, все анонимно, "шепотком". На такое не откликаются, даже когда знают скрытые мотивы этих слухов. Но вот, вы первый предали их гласности, и, как единственная из моей семьи еще в живых, я считаю своим долгом не менее гласно покончить навсегда с "шепотками". Они не могут быть названы клеветой. Вот если бы вы написали, что Вл. Иоани присвоил себе церковные деньги и купил себе на них дом, это было бы клеветой (клевета карается законом).

Но никакой порядочный человек не может считать клеветой или оскорблением, к какой бы расе или народности его ни причислили: ни араб, ни китаец, ни русский, ни еврей, ни сенегалец происхождения своего не выбирал.

Для христианина же, "отречение" от приписываемого ему еврейского происхождения - как будто оно позорно - еще труднее. Он знает, что Богородица, первоапостолы и первоученики были евреями, и что Церковь, после его смерти, молится о причтении его в недрах Авраама, Исаака и Иакова. Но он не только имеет право, но и обязанность восстановить правду; ее необходимо защищать даже и в малых делах.

Но имен распространителей этих "шепотков" - конечно, не невинных, а злоумышленных - я называть не буду, предпочитаю только указать, чем они были вызваны. С самого начала пастырского служения Арх. Иоанна, его выдающаяся личность, миссионерская энергия, горячие проповеди, его духовный авторитет привлекли

к нему множество душ, но это и послужило соблазном многим: чужое превосходство, в чем бы оно ни выразалось, не всеми легко воспринимается.

А другое, что могло раздражать, это то, что мой брат, уже в 1931-м году, 29-летним иеромонахом и до своей смерти Архиепископом Иоанном, громко напоминал, что задача Церкви в этом веке "не поработаться политикой", что "задачи Церкви столь же возвышаются над государственными задачами, сколь небо над деревом". С дальних времен и до наших, много верующих пострадало за отказ воздавать Кесарю больше, чем Кесарю полагается. Этим отбрасывается в этом же отрывке ваше утверждение, что Вл. Иоанн "принадлежит к монархической и безкомпромиссной ветви русской Православной Церкви". (Вл. Иоанн был Архиепископом Православной Церкви в Америке).

Повидимому в личной жизни Арх. Иоанна не было найдено что либо его опорочивающее. Гораздо проще нашептать то, что в обывательском полусознании считается предосудительным. При нормальных обстоятельствах это не является смертельной угрозой. Но ^{ВОТ} в 1932-м году, о. Иоанн, вернувшись из Югославии в Париж, был назначен Митрополитом Евлогием благочинным русских приходов в Германии (находящихся в западном европейском Экзархате). В Берлине о. Иоанн сразу возобновил свою деятельность: пишет миссионерские письма, открывает издательское дело, участвует в первых экуменических встречах, путешествует, проповедует - всего не перечислишь ... В 1939-м году война прерывает его связь с его правящим архиепископом. По человечески он беззащитен, но, не смущаясь этим, с помощью своих прихожан он организует зимнюю помощь русским людям, детский приют, амбулаторию ... В готовом к печати третьем томе своей автобиографии, во второй части его, "Город в огне", он описывает эти не дни, а годы новых испытаний.

Я не читала этой рукописи. О допросах, расследованиях и преследованиях мне говорили и писали свидетели тех лет, долготлетние и верные его сотрудники. Некоторые из них еще живы.

Зло заразительно. Люди идут в его сети и делаются его соучастниками. Революции, оккупации, диктаторские режимы питаются

доносами. К ним и прибегли его гонители зная, что при моральной своей непреклонности, о. Иоанн ни на какой компромисс не пойдет даже для улучшения своей участи. Каждый вопрос гестаповцев опасный. Его спросили, как он относится к евреям. Он ответил: "Не м относиться иначе, чем Церковь, священником которой я состою. Дл нас не должно быть ни еврея, ни эллина". Ему запретили впускать в церковь на Находштрассе "остов" (вывезенных из СССР на прину- дительные работы. Они носили на одежде буквы "ОСТ", означающие восток). Ответ : "Когда двери церкви открыты, всякий может в ни войти". К счастью, не узнали, что приходили к о. Иоанну тайно и евреи, ищущие ободрение и утешение.

Начались преследования. У о. Иоанна отобрали приходы, при- надлежащие к Экзархату —оставили только один; закрыли его изда- тельское дело, опечатали его книжные склады, реквизируют skle теплых вещей, собранных для бедных, наложили запрет на выезд ег из Берлина ... Административные эти меры, тяжесть повторных допросов не удовлетворили гонителей : они хотели уничтожить егс физически. Этому замыслу должны были послужить доносы об его "неарийском" происхождении. Всем известно, что Гестапо расследс вала такое обвинение очень тщательно.

Не сомневаюсь, что не унижения, которым он подвергался был о. Иоанну трудно перенести. Сам Господь Иисус Христос, которому он служил, смиренно их принял. Его должно было смущать, что, говоря правду, он этим как бы унижал гонимых тогда евреев. Наконец, о. Иоанн был "очищен" от "обвинения" и признан "арийце Громогласно он об этом не объявил, даже когда война окончилась. Смерти в лагере он избежал Промыслом Божиим, но "шепотки" про- должали виться за нами, как змеиный хвост.

Тут уместно на эту тему привести пример, повидимому довоьн частого у русских комплекса своей неполноценности. После появле ния и прославления Солженицына на Западе, пришел ко мне немоло- дой господин из бывших русских беженцев. Солженицына он видел в телевидении и начал читать "Архипелаг Гулаг". И то и другое понравилось. Посетитель хотел от меня узнать, не еврей ли писат

"Почему вы это предполагаете ?". – "Да отчество у него странное – Исаевич". Я удивилась : "Как же вы, православный человек, не знаете, что в святцах находятся и имена пророков, Моисея, Наума, Аввакума и других"... Право, не удивительно ли, что, как только дело идет о выдающейся личности, соотечественники подозревают в ней еврея, хотя история наша, наука, литература, искусство служат уже веками доказательством, что ни гениями, ни талантами Россия не бедна ?

Мой брат был крещен Димитрием в честь Св. Димитрия Ростовского, но поскольку среди святых нашего рода имеется и Благов. князь Давид Смоленский и Ярославский, он мог бы быть назван этим родовым именем – Давид. "Шепоткам", особенно невежественным, это очень бы пригодилось.

Война закончилась. Бетер истории подул в другую сторону. О. Иоанн был репатрирован в 1945-м году во Францию, потому что нансеновский паспорт (паспорт Лиги Наций для русских апатридов) был выдан ему до войны французскими властями. С новым ветром – о ирония вымышленных обвинений ! – свежая ложь противоречила "шепоткам". На этот раз "разоблачение" неосторожно появилось в парижской просоветской газете. Предполагаю, что цель его была опорочить православного священника. Антирелигиозный пыл не угас. О. Иоанна обвинили, что он в Берлине был "правой рукой" генерала Бискупского, сотрудника Гитлера. На этот раз о. Иоанну не было причин не ответить на клевету и летом 1945-го года он громко и публично опровергнул ее перед своей лекцией "История и Метаистория" в зале Русской Консерватории в Париже.

Этот документ находится в архиве Вл. Иоанна в Санта-Барбара, США (копия его у меня). Там о. Иоанн подробно говорит о гонениях на него и на его приходы. Я попрошу его душеприказчиков как можно скорее опубликовать этот исторический текст. Пришло время тайному сделаться явным – не только правда, но и история этого требуют.

И вот в 1989-м году, когда книги Вл. Иоанна начали легче доходить до тех, для кого он писал, с которыми он беседовал по

"Голосу Америки", о которых он молился, в Москве писатель Владимир Солоухин почему-то счел нужным воплотить "шепотки" в печатное слово. Почему? Вопрос открыт. А если это было случайно, то почему, не зная о постановлении Гестапо, не потрудился он проверить "шепотки" по достоверным и официальным источникам, которые уже не так трудно найти?

Род наш записан в Государев Родословец. Имен там наших, конечно, нет, но мой брат, мои сестры и я родились в России до революции, и успели быть внесены в Бархатную Книгу и в дворянскую родословную книгу. Существуют, кроме того, не мало генеалогий 20-го века. Вековая традиция эта была продлена в зарубежье тремя поколениями новых специалистов, в том числе двумя Шаховскими. Там находятся все сведения о нашем происхождении по мужской и женской линии. Ленъ не оправдывает выдумок ...

Перейдем к другой части вашего текста. Трудно было удержаться от улыбки прочтя, что в Сан-Франциско существует Архиепископ Сан-Францисский Иоанн, который "пишет стихи, издает их под именем "Странник", и посылает свои сборники некоторым московским поэтам с дарственной надписью". Вы объясняете, что Арх. Иоанн был "вообще персона более или менее для советских людей р у к о п о ж а т н а я".

Для Вл. Иоанна не было рукопожатных или нерукопожатных людей. Всех, кто приходил к нему - людей разных национальностей, религий, социальных классов, верующих и неверующих, разных политических убеждений - он принимал с братской и отеческой любовью, с полным доверием. Он о них не судил. Отказывался видеть зло.

Не обладая духовными качествами моего брата, для меня всякий человек, снороду, был объектом живого профессионального интереса. Всякий, из них с его недостатками, пороками, слабостями, но и с его даром благородства, самопожертвования, нравственной чистоты был материалом, сырцом для моей работы. Некоторые из них, если они того стоили, появились под своим настоящим обликом и подлинным именем в моих мемуарах; другие, перекроенные, переодетые, и ставшие "сборными", под вымышленными именами вошли в романы и рассказы.

Такой мой утилитарный опыт никак не мог послужить Вл. Иоанну — он ему был чужд. И я напрасно предупреждала его, что не все его посетители прямодушны и искренни, в частности "официальные" из СССР (до перестройки). Напоминала ему, что долгие годы несвободы приучили кое-кого из них двумыслию и двуязычности — страха ли, или выгоды ради. Вл. Иоанн мне строго за это выговаривал и отказывался меня слушать.

Этот отказ видеть зло в человеке был плодом его монашеского подвига. Я помню его мальчиком и юношей остроумным и насмешливым. С 14-ти лет и до его отречения от мира, он писал едкие и попадающие в цель эпиграммы, следуя в этом традиции Императорского Александровского лицея, воспитанником которого он состоял — и примеру Пушкина. У меня сохранились некоторые его эпиграммы на его лицейских товарищей, коллег по Лувенскому университету и на зарубежных литераторов. Вл. Иоанн сознательно ослеп на зло.

От своего природного призвания светского литератора и поэта Вл. Иоанн отрекся как от искушения. Его слово и перо, после пострига, служили не изящной словесности, а исключительно Слову — Началу всего. Поэзия стала для Вл. Иоанна частью его пастырского служения. И что "стишки" Странника вам не нравятся совсем не удивительно — барабану арфа не созвучна.

Моя первую встречу с вами я помню очень хорошо. Мой муж был еще жив и я пригласила Вас завтракать в панорамический ресторан Французского Радио, где я тогда работала. Я, конечно, заметила вашу нарочитую (программированную) русскость, и перстень не менее декоративный, и начало вашего тоста помню: "Россия воскреснет когда..." Я совсем не удивилась, что русско-парижская молодежь — да и люди постарше — встретили вас, когда вы перед ними здесь появились, с простодушным энтузиазмом — дань вашей русскости и вашей храбрости: вам "надоело бояться!"... Бояться, по-моему, вам было нечего ни за выступление, ни за встречу со мной и другими даже "нерукопожатными". В те годы встречала я не только привилегированных, которые увозили мои книги с автографами, но и других, бывших под присмотром. Виделись тогда мы украдкой; случалось, что книги они брали с собой, но от автографов сму-

ценно отказывались. Хорошо, что они тоже не пострадали вернувшись домой.

Я, конечно, огорчена тем, что человек, о котором Вл. Иоанн ни одного плохого слова не сказал, в котором он видел друга, так небрежно о нем написал вскоре после его кончины. Но и благодарна вам - вы дали мне повод кривду заменить правдой.

Мое отчество Алексеевна, а не Александровна.

Зинаида Шаховская

Зинаида Шаховская

Член Общества Литераторов Франции
Член Французского Пен-Клуба
Журналист

Это письмо может быть опубликовано только полностью и без изменений в тексте.